Евгений Быков

Русская философия «Вконтакте», или Необыкновенные приключения В. И. Красикова в социальных сетях

Рецензия на книгу: Красиков В. И. Социальные сети русской философии XIX–XX вв. М.: Водолей, 2011.

В предисловии к 1200-страничному «кирпичу» Рэндалла Коллинза [2002] «Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения» переводчик Н. С. Розов применил к автору исследования его же подход, продемонстрировав, что интеллектуальные стратегии Коллинза возникли под влиянием прямых связей (включая ученические) с Парсонсом, Бурдье и другими «мыслителями первой величины» [Розов, 2002, с. 8–9]. Когда же, почти десятилетие спустя, В. И. Красиков[1] представляет свою работу «Социальные сети русской философии XIX–XX вв.», повторять тот же сюжетный ход как минимум банально. Тем не менее, дистанцируясь от особенностей розовской экспозиции, в рецензии на книгу Красикова я не могу отказаться от сопоставлений с трудом Коллинза, поскольку между работами ощутимы как бережная преемственность, так и показательные различия.

Фундаментальное исследование Коллинза, охватывающее связи нескольких тысяч интеллектуалов различных стран и эпох на про-

---

Быков Евгений Михайлович — студент философского факультета МГУ кафедры философии и методологии науки, ассоциированный член «Центра современной философии и социальных наук» и член Совета молодых учёных при ФФ МГУ, главный библиотекарь Российского трансгуманистического движения. Научные интересы: NBIC-технологическая конвергенция, акторно-сетевая теория, концептуальные перспективы нейронаук, технологическое размыкание антропности, философская антропология.

1 Красиков Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Кемеровского государственного университета, председатель Кузбасского отделения РФО. Автор более 200 научных публикаций, из них 11 монографий и 3 учебника.

тяжении примерно 2500 лет, по признанию автора, строится на второисточниках (что характерно и для самого способа обнаруживать социальные сети в динамике) — и тем самым движется по магистральным линиям истории философии. В этом тысячелетнем танце рефлексивных ходов и языковых напластований смыслов вежливый квантитативный жест отводит русской философии довольно скромное место: журнально-литературная институциализация на книжном рынке в конце XIX века (Достоевский, Тургенев и др.) и роль катализатора в развития экзистенциализма в Европе после Первой мировой[1]. Условно говоря, между строк Коллинза читается следующее напутствие: «Будем честны, я и так много сделал за 25 лет — теперь работа за вами, кто бы вы ни были!». И действительно, работа подхватывается — теперь уже силами сообществ, чьи голоса потерялись на фоне ораторий статистически признанных титанов духа.

Еще до развёртки содержательной части предисловие Красикова к собственной работе вызывает интерес благодаря двойственности рецепции: экстериорной (видимой) и интериорной (невидимой). Поскольку фолиант Коллинза оказался практически полностью проигнорированным — на мой взгляд, к сожалению — российским сообществом, исследователь вынужден сам пересказывать основные ходы социолога, на которого опирается. При этом автор скромно опускает свою роль в качестве sator Arepo, с трудом налегающего на колёса[2]: «благодатная почва» для взращивания побегов коллинзовского «злака» не возникла в российских реалиях сама собой. Напротив, скорее, «Социальные сети...» Красикова совершенно органично вырастают из его же монографии «Русская философия today»[3] [2008] благодаря органическому удобрению в виде методологии Коллинза.

Проницательный читатель, должно быть, уже предчувствует, что преемственность в отечественных условиях рано или поздно наткнётся на «разумные ограничения», вводимые среди прочего исследуемым материалом — и здесь в очередной раз заявляет о себе

1 Заметим, что Коллинз делает эту ремарку в предисловии к русскоязычному изданию [Коллинз, 2002, с. 36–37] — в тексте книги (рис. 14.2 и обсуждение в гл. 14) она ещё менее очевидна.

2 Sator Arepo tenet opera rotas («Сеятель Арепо с трудом налегает на колёса» — лат.) — один из древнейших «квадратных палиндромов».

3 Сходство очевидно не только на уровне структурного членения книги, но даже в аннотации: Красикова интересуют «складывание образа русской философии на Западе в 1920–50 гг. XX века... выявление специфических черт развития советской, российской философии в последние полстолетия (темы, направления, линии соперничества) и некоторых характеристик современного отечественного философского сообщества (композиции влияния, формы коммуникации и философско-психологические типажи)».

социологический способ прослеживания философских сетей. Так, если дисциплина «История русской философии», руководствуясь *философским достоинством*, возводит свою родословную к протопопу Аввакуму, Сковороде и Ломоносову, встречный квантитативный жест Красикова проводит строгую черту: отдельные фигуры недостоверны — ищи истину в сетях (в устойчивом виде складывающихся как раз к началу XIX века, в особенности после Наполеоновских войн). Поскольку исследовать берестяные грамоты больше не требуется, автор обращается к архивам, кипам письменных свидетельств (авторов-интеллектуалов, их оппонентов, современников и т. д.), позволяющим строить сетевую картографию не в пример детальнее коллинзовской. Детальность имеет и обратную сторону: фигуры интеллектуалов, формирующиеся в чётко прослеживаемых сетях последних двух веков, не могут быть ранжированы по значимости так, как это представлено в «Социологии философий». Фокусы внимания и длительности существования сообществ недостаточно стабильны, чтобы концепция фигур первой величины была удобна в качестве инструмента описания. Впрочем, полный отказ от последнего едва ли возможен: исторические периоды, выделяемые Красиковым, имплицитно выводят в свет одних и скрывают в тени других мыслителей[1].

Что куда показательнее, «методологическое воздержание» Коллинза от ранжирования и сетевой локализации философов после 1950-х годов (так как их значимость ещё не определена последующими поколениями) в «Социальных сетях...» отметается. Можно предположить, что не последнюю роль в этом играет личная близость Красикова (1958 год рождения) к смещениям фокусов интеллектуального внимания в СССР (и позднее в Российской Федерации), а также его опыт исследования данного периода [Красиков, 2008]. «Скромное обаяние *скромности*» — роскошь, которую позволяет себе Коллинз, капитализирующий целые тысячелетия: русская же философия, в сетевом смысле возникающая лишь в начале XIX века, игнорированием последних 50 лет лишалась бы четверти срока своей жизни.

Красиков — философ (по крайней мере, в той степени, в которой об этом свидетельствуют звание «доктор философских наук» и ряд публикаций[2]), и это вызывает ту же смутную настороженность, ко-

---

1 Например, дескриптивные контрасты подчёркивают яркость триады Достоевский — Толстой — Соловьёв, в то время как высоко ценимый каждым из них Николай Фёдоров удостаивается лишь половины абзаца [Красиков, 2011, с. 123], хотя его роль в создании устойчивого институционального образования (организатор дискуссионного клуба) при библиотеке Румянцевского музея заслуживает внимания как минимум в качестве инфраструктурного узла сети.

2 См. http://www.culturalnet.ru/main/person/1127.

торую, по его собственным словам, вызывает чтение «спекулятивно-идеалистической (Гегель) или сциентистской (Рассел)» [Красиков, 2011, с. 6] историй философий, т. е. изложений, явно подретушированных позициями авторов как активных игроков поля. Насколько мы можем быть уверены, что квантово-механические эффекты наблюдателя не *загрязнили* описание «конфигураций поля интеллектуального внимания российской философии в 90–00 гг. XX–XXI вв.»? [там же, раздел III, гл. 1] Чтобы дистанцироваться от описываемых оппозиций (аналитические философы из Томска/Новосибирска, столичные постмодернисты, рационалисты ИФ РАН), Красиков доверяет перо здоровому «социологическому реализму», столь близкому сердцу Коллинза. Речь о выстраивании *дистанции-от-объекта,* позволяющей описывать философские группы без принятия их собственных точек зрения. Постмодернистская критика выделения структур в сообществах интеллектуалов (живших в совершенно различные с культурологической точки зрения эпохи) не ввергает «Социологию философий» в релятивизм, поскольку референтами реальности для Коллинза как социолога являются, например, практические коалиции самих постмодернистов с литературной критикой и соответствующими издательствами. Красиков самоустраняется схожим образом — он апеллирует к роли журнала «Вопросы философии» как легитиматора тенденций, резкому росту числа переведенных издательством Ad Marginem постмодернистских текстов, влиятельности когнитивистов, контролирующих государственные философские институции, и т. п. В итоге даже те оценки, которые исследователь (уже с большей долей субъективности) даёт сложности языка российских аналитических философов[1] или так называемым контекстуалистам (Хоружий, Дугин, Гиренок, Секацкий и др.)[2], выглядят относительно правдоподобно.

Я не историк русской философии, а потому не берусь утверждать, где и какие исторические фигуры недостаточно, неверно, предвзято или каким-либо иным неортодоксальным образом рассмотрены автором[3]. Однако вовлечённость автора в исследуемый материал даёт

1 «Заметим здесь, что чтение текстов самих наших аналитиков представляет собой отнюдь не лёгкое занятие, вопреки провозглашаемым ими принципам точности и ясности. Они сами придумали себе язык не менее эзотеричный, чем у феноменологов или же постмодернистов...» [там же, с. 365].

2 «Людей, которых мы объединяем здесь в некое целое, в реальной жизни ничто не согласует друг с другом... Это наиболее разношёрстная из всех приведённых ранее теоретических позиций, являющаяся скорее нашей мысленной конструкцией». [там же, с. 377–378].

3 Так, например, связь позиций интеллектуалов-аристократов и интеллектуалов-разночинцев с их материальным обеспечением и образователь-

о себе знать на уровне стиля изложения, и именно на фоне попыток самодистанцирования это становится особенно заметно. «Социальные сети...» балансируют между фактографией социальных сетей и текстом «для своих»: для тех, кто знаком с динамикой русско-философского закулисья и сам какое-то время провёл на её ниве, — кого, в конце концов, можно по-панибратски похлопать по плечу (например, при встрече на международном конгрессе в Афинах). Если Коллинз выдерживает по отношению к читателю дискурсивную академическую дистанцию, то Красиков не везде обременяет себя ею. По мере того как методологическая или фактическая нагруженность снижается с приближением к сегодняшнему дню, даёт знать о себе «живая речь», сближающая автора с нарисованным им образом русского философа — «русским дух от духа... прохладного к „философскому специалитету“, самозамкнутому и беспомощному...» [Красиков, 2011, с. 395–397]. Местами это довольно любопытно: «Они не смогли противопоставить ничего разумного и внятного, кроме уже давно набивших оскомину официально-православных заклинаний ...» [там же, с. 206], «Никто не „покупал“ нас шмотьём, жвачкой или музыкой» [там же, с. 340], «Зачем искать и привносить что-либо ещё — вон этого добра сколько!» [там же, с. 352], «О чём вы, ребята, говорите? О какой благообразной с седыми буклями метафизике...» [там же, с. 355], «Кто не умеет писать так, тот злобится — такому ведь на научишься... Сие-то и обидно особенно. Отсюда неутоленное тщеславие и изжога зависти, сублимируемые в энергию служебного реванша...» [там же, с. 398]. В плане стилистической позиции Владимиру Красикову противоположны социологические исследования философского знания Александра Бикбова (и некоторых его коллег) [Бикбов, 2004, 2011; Соколов, 2013][1]. Даже в тех случаях, когда описания отечественных контекстов наполнены иронией [Бикбов, 2004, с. 31–35], в них ощутимы следы «европейской вежливости»: осторожные ремарки, избегающие рубящей с плеча прямоты как формы посягательства на приватное пространство.

Коль скоро Красиков вводит в название своей книги понятие «социальные сети», аналогия напрашивается. Перед нами социальная сеть «Вконтакте», отпочковавшаяся от империи Facebook. Она заняла свою нишу (поскольку пользователи рунета не спешили мигрировать

ным горизонтом (формирующая первых как моральных индивидуалистов и трансценденталистов, а вторых — как эгалитаристов, прагматиков и, скорее, материалистов), прослеживаемая на уровне профессиональных ставок, кружков, формирования центральных фигур и пр., предстаёт убедительной контекстуализацией, хотя и довольно огрублённой по причине бинаризации.

1 См. также материалы конференции: http://a.bikbov.ru/2013/10/sociologiya-filosofskogo-znaniya.

на англоязычный ресурс); она обладает неплохим функционалом (который, с технической точки зрения, ограниченнее, чем у Facebook, но вполне устраивает аудиторию)[1]; она адаптирована под особенности регионального отношения к контенту (политика Facebook не лояльна к пиратству и вообще не чувствительна к специфике пользователей рунета). «Социальные сети...» демонстрируют способ русских философов последних двух веков быть «в контакте» друг с другом: образовывать группы по интересам, добавлять и удалять друзей (подобно тому, как Белинский отвергал собственных протеже или радикально изменилась оценка Львом Толстым Пушкинской речи Достоевского), а также демонстрировать иные формы социально-сетевого поведении — вплоть до размещения избранных цитат в собственных текстах. Эта книга должна была возникнуть среди прочего потому, что её питает возросшая в последние годы доступность текстов русских философов в Интернете (ссылки Красикова на веб-материалы весьма обширны); и возникает рецензируемая работа в полном единодушии с теми, *кого* описывает: из социологического анализа сетей русской философии неустранимо подспудное ощущение, что и сам анализ — тоже русская философия. Как к этому отнестись — предстоит решить уже тем, кто, в свою очередь, будет отталкиваться от книги Красикова, выводя её в фокус интеллектуального внимания.

Ведь, как она же и учит, вне фокуса её не существует.

Пользуйтесь социальными сетями.

Библиография

1. *Бикбов А.* Осваивая французскую исключительность, или Фигура интеллектуала в пейзаже // Логос. 2011. № 1.
2. *Бикбов А.* Философское достоинство как объект исследования // Логос. 2004. № 3–4.
3. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
4. *Красиков В. И.* Русская философия today. М.: Водолей, 2008.
5. *Красиков В. И.* Социальные сети русской философии XIX–XX вв. М.: Водолей, 2011.
6. *Розов Н. С.* «Социология философий» Рэндалла Коллинза — новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 7–32.
7. *Соколов Е.* Феномен Мамардашвили: случай сообщества // Логос. 2013 (в печати).

1 Перефразой массового призыва пользователей «Вконтакте» (после модификации стены записей в профиле) «Дуров, верни стену!» тогда будет «Красиков, верни схемки!»: даже без ранжирования фигур по значимости схемы цепочек влияния и оппозиций в работе Коллинза [2002, с. 110, 644] были визуально удобны и помогали ориентироваться во множестве прописываемых связей.